

Ответ советским критикам
«Истории русской философии»¹

В журнале «Коммунист» № 10 за 1955 г. напечатана статья В. Малинина, Н. Тараканова, И. Щипанова «Против современных буржуазных фальсификаторов истории русской философии», и в журнале «Вопросы философии» № 3 за 1955 г. статья Н. Тараканова «Фальсификаторы истории русской философской мысли». В своем ответе на эти статьи я буду говорить не о западноевропейских и американских историках русской мысли, а только об «Истории русской философии» — В. Зеньковского и моей.

Автор статьи в «Вопросах философии» ссылается на Ленина, отметившего, что «одно из замечательных дости-

жений исторического материализма состоит в требовании искать корни без исключения всех идей и всех различных тенденций в материальных условиях жизни различных классов общества». Из этого, говорит он, следует, что история философии как наука должна «искать корни всех идей и тенденций в состоянии производительных сил и производственных отношений, в условиях материальной жизни различных классов общества». Этот тезис обязателен для всех правоверных марксистов. Он содержит в себе долю истины, однако весьма второстепенную. Она состоит в том, что различные классы общества и философы под влиянием условий своей жизни сосредоточивают свое внимание на различных данных опыта и различных интересах более или менее односторонне и, опираясь на них, вырабатывают свою идеологию, которая неизбежно содержит в себе, наряду с великими ис-

¹ Впервые напечатано в журнале «Грани», 1956, № 30.

тинами, также и значительные заблуждения. Отсюда возникает борьба различных направлений философии, и развитие ее совершается под влиянием требований логической связности и более полного соответствия данным опыта, а не под влиянием «состояния производительных сил и производственных отношений». Поэтому серьезные труды историков философии, таких как Гегель, Целлер, Виндельбанд, кн. С. Трубецкой, сосредоточивают свое внимание преимущественно на логических основах вырастания новых философских систем из предшествующих им как на главном факторе развития философии. Хорошим примером значения логической связи может служить в истории новой философии двухвековое развитие английского эмпиризма и французско-германского рационализма, завершившееся в конце XVIII века попыткой синтеза этих двух направлений в «Критике чистого разума» Канта. Когда марксисты пытаются объяснить эти процессы ссылкой на экономические условия, получается, обыкновенно, нечто смехотворное.

Статья, напечатанная в «Коммунисте», наполнена восхвалением русских материалистов-атеистов, «философские системы которых служили прогрессу демократии, революции» и теоретически обосновывали «необходимость коренных социальных преобразований, уничтожения экономического, политического и духовного рабства трудящихся». Сваливая в одну кучу самые разнообразные философские направления, согласно которым основное бытие есть не материя, а духовные начала, и называя все их словом «идеализм», авторы статьи говорят, что религиозно-идеалистические системы служат «мракобесию, реакции и контрреволюции», имеют «реакционный характер» и состоят «на службе эксплуататорских классов» (стр. 64).

В действительности представители русской религиозной философии были сторонниками прогрессивных социальных реформ и отмены самодержавия. Вл. Соловьев много сил посвятил вопросу о социальном христианстве как религии любви к ближнему не только в индивиду-

альных отношениях людей друг к другу, но и в области законодательства и строя общественной жизни. В книге «Оправдание добра» он говорит, что каждый человек есть «лицо, имеющее независимо от своей общественной полезности безусловное достоинство и безусловное право на существование и свободное развитие своих положительных сил» (стр. 333 во втором издании). Поэтому каждый человек должен иметь материальное обеспечение, необходимое для развития духовной жизни. С. Булгаков и Н. Бердяев также энергично разрабатывали учение о социальном христианстве, осуществление которого сделало бы невозможно какую бы то ни было эксплуатацию человека. Князь С. Трубецкой в июне 1905 г., находясь в составе делегации земского и городского самоуправления, произнес перед императором Николаем II речь о необходимости реформ². Его брат Е. Трубецкой, профессор философии права, был также деятельным публицистом. Он боролся и против реакционных сил, стремившихся «заморозить Россию» (напр., К. Леонтьев, Победоносцев), и против сил революционных, безбожных и бесчеловечных. В брошюре «Два зверя» он показывает, что одинаково опасны и пасть красного зверя, и когти черного хищника. С. Франк, П. Струве также были сторонниками социальных реформ, обеспечивающих каждому человеку материальные условия для развития духовной жизни.

Мною в 1904 г. была напечатана статья «О народовластии»; в ней я выступал против Победоносцева, который в книге «Московский Сборник» защищал самодержавие против сторонников ограничения его. За статью, столь явно критикующую существующий государственный режим, автор был бы расстрелян в СССР, а в царской России меня не подвергли никакому преследованию. Летом 1917 г. при Временном правительстве была напечатана моя статья «О социализме» в «Вестни-

² Обстоятельную биографию кн. С. Трубецкого, дающую ценные сведения о его политических и социальных идеалах, написала его сестра, княжна О. Трубецкая (изд. имени Чехова, 1953).

ке партии народной свободы». В ней я говорил, что сочувствую фабианскому социализму как движению не революционному, а эволюционному, потому что эволюционный процесс приведет не к социализму, а к новому экономическому и общественному строю, сочетающему в себе достоинства капитализма с достоинствами идеала социалистов без недостатков этих двух экономических систем. Свой идеал такого строя я изложил в 1954 г. в статье «Какой идеал противопоставить коммунизму?» в «Новом журнале» (выпуск 37).

Авторы перечисленной мною религиозно-философской литературы защищают идеал абсолютного добра, осуществимого лишь в царстве Божием, при окончательном преодолении эгоизма. Исходя из этого идеала, сторонники его требуют и для нашего царства бытия существ грешных, т. е. эгоистических, осуществления строя, в котором нет эксплуатации человека человеком или государством. Отсюда ясно, что христианство таких философов не есть «опиум для народа», усыпляющий эксплуатируемых людей и побуждающий их безропотно переносить тягости жизни, не боясь за улучшение общественного строя. Особенно важно то, что в этой литературе доказывается абсолютная ценность каждой индивидуальной личности и неотъемлемые права ее на свободу совести, мысли и достойное существование. Материалисты-атеисты не могут обосновать учение об абсолютной ценности каждой личности и об абсолютном добре. Они считают матерно и законы материальных процессов вечным, неотменимым бытием и потому думают, что материальная телесность человека с ее процессами отталкивания, создающими непроницаемость, есть единственная возможная форма человека. Следовательно, их идеал добра состоит только в обеспечении каждому человеку пищи, одежды, жилища, здоровья, развлечений. Но зависимость душевных и духовных деятельностей человека от физиологических процессов есть, согласно их мировоззрению, неотменимый закон природы. Поэтому индивидуальное личное бессмертие

они отрицают; бытие каждой личности есть для них только процесс, совершающийся во времени и отпадающий навеки в прошлое. Не только такое зло, как смерть, неустранимо; есть еще множество других видов зла, которые даже и совершенный общественный строй, «земной рай» материалистов, не может устранить. Бердяев говорит, что и «социализм в опыте осуществления своего будет не тем, к чему социалисты стремятся: при более рациональном устройении социальной жизни усилятся трагическое в жизни, трагический конфликт личности и общества, личности и космоса, личности и смерти, времени и вечности» (Дух и реальность, 112).

Христианин, опираясь на установленное современною физикою учение о том, что материальное тело состоит только из процессов, совершающихся во времени, логически последовательно вырабатывает мысль, что человеческое я, вполне преодолевшее свой эгоизм, может прекратить этот процесс и заменить его творением более совершенной, преображенной телесности, не заключающей в себе процессов отталкивания, следовательно, не обладающей непроницаемостью и состоящей из прекрасного света, звуков и т. п. Поэтому он может стремиться к абсолютному добру жизни, посвященной сполна творению абсолютных ценностей красоты, познанию истины, осуществлению нравственного добра. Под руководством этого идеала он может уже в земной жизни добиваться также и тех усовершенствований ее, о которых говорят материалисты. Из сказанного ясно, насколько ложно утверждение советских писателей, будто религиозный мистицизм русских философов отрешен от жизни; наоборот, их мистицизм дает надежную основу для защиты высших ценностей индивидуальной и общественной жизни. Они борются за самое дорогое для человека — бережное отношение к индивидуальному своеобразию каждой личности, поскольку оно не вступает во враждебное отношение к своеобразию других личностей и к благу общества. Именно этой высшей ценности советские марксисты не признают: построив тоталитарное госу-

дарство, в котором личность целиком используется для служения «коллективу», они ценят в человеке только его родовые свойства, а не его индивидуальное своеобразие, подавляемое на каждом шагу вследствие совершенного отсутствия свободы в СССР. Философ-юрист П. И. Новгородцев, исходя из учения об абсолютной ценности конкретной индивидуальной личности, устанавливает в своем труде «Об общественном идеале», что в нашем царстве существ, более или менее эгоистических, полная гармония между личностью и обществом недостижима; поэтому абсолютно совершенный общественный порядок не может быть осуществлен на земле. «Гармония личности с обществом возможна», пишет Новгородцев, «лишь в том умопостижимом царстве свободы, где безусловная и всепроникающая солидарность сочетается с бесконечностью индивидуальных различий. В условиях исторической жизни такой гармонии нет и быть не может». Говоря поэтому о неосуществимости совершенного общественного порядка в условиях земного бытия, вне Царства Божия, Новгородцев не отрицает относительной правды достижений современного правового государства, а также исканий социализма и анархизма, но он устанавливает несоизмеримость их с идеалом абсолютного добра. Поэтому, чтобы не попасть в безвыходный тупик, необходимо строить идеал земного общества, имея в виду «свободу бесконечного развития личности, а не гармонию законченного совершенства»³.

В тоталитарном государстве СССР именно свобода развития личности грубейшим образом подавлена, как это будет пояснено ниже, а теперь я рассмотрю нападки советских философов на мою «Историю русской философии». В журнале «Коммунист» сказано: Лосский укоряет Чернышевского, «клеветнически заявляя, что как материалист Чернышевский не мог понять бескорыстную любовь к таким объективным ценностям, как правда, красота» (стр. 73). В действительности в книге моей сказано,

что Чернышевский в этике был сторонником учения о «разумном эгоизме», и далее я говорю следующее: «у таких людей, как Чернышевский, которые всю жизнь свою посвящают бескорыстному служению неличным ценностям, объяснение всего поведения эгоизмом нередко возникает вследствие целомудрия чувства, избегающего возвышенных слов совесть, честь, идеал и т. п.». Итак, я утверждаю, что фактически Чернышевский в своем поведении бескорыстно служил объективным ценностям, но теорию поведения строил ложную, пытаюсь объяснить правильное поведение дальновидным эгоизмом. Где же у меня клевета, если я признаю бескорыстное поведение Чернышевского и указываю на высокий мотив, целомудрие чувства, побуждающее строить ложную теорию, объясняющую поведение эгоизмом?

В своей брошюре «Диалектический материализм в СССР», перепечатанной в моей «History of Russian Philosophy», я говорю, что сторонники диалектического материализма не дают определения понятия материи, устанавливающего свойства ее. Ленин считает определениями следующие тезисы: «материя есть то, что, действуя на наши органы чувств, производит ощущение; материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении»⁴. В этих двух суждениях нет определения материи, потому что в них не указано, какие свойства реальности, существующей независимо от нашего сознания, дают право называть ее материей. Беркли, напр., утверждает, что Бог есть объективная реальность, порождающая в нашем сознании ощущения. Отсюда ясно, что упрек советских критиков, будто я не понимаю данного Лениным определения материи (стр. 74), несостоятелен.

Мысль, что материя познается посредством вызываемых ею ощущений, ведет к безвыходным затруднениям. В самом деле, материалисты хотят строить все знание о мире на данных опыта; я, как интуитивист, вполне сочувствую этому. Но

⁴ Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, собр. соч. 1925 г., т. X, стр. 117.

³ П. И. Новгородцев. «Об общественном идеале», 3 изд., с. 25.

если они считают опыт о материи состоящим из ощущений, понимаемых ими как психические состояния наблюдателя, то отсюда следует, что по их теории знания материя в опыте не дана. О том, какие свойства принадлежат ей, приходится им узнавать путем умозаключений из психических состояний наблюдателя. Но в умозаключениях содержание понятий выводного суждения такое же, как и в посылках. Следовательно, если содержание понятий в посылках состоит из психических процессов наблюдателя, то отсюда никак нельзя выводить в выводе знание о самом психическом материальном процессе.

Здесь терпит крушение не только диалектическое учение о знании как «отражении» действительности в сознании, но и вообще все те теории, которые можно назвать каузальными, т. е. теориями, согласно которым познаваемый предмет есть причина, вызывающая в сознании наблюдателя восприятие как психический процесс, так что сам предмет остается вне сознания, а в сознании, в опыте имеются только психические состояния наблюдателя.

Выход из затруднения дается отказом от каузальной теории восприятия, именно учением интуитивизма, согласно которому субъект познает непосредственно не только свои чувства и желания, но также и предметы внешнего мира: когда я вижу березу с ее пространственной формой, цветом коры и листьев, шелестом ветвей, в моем сознании наличествует не психический образ березы, а сама материальная береза. Не только пространственная форма березы и колебания ее ветвей, но также и цвета, звуки и т. п. чувственные качества ее суть свойства материального процесса, глубоко отличные от психических процессов, от чувств и желаний.

Строение мира, благодаря которому возможно, чтобы познающий субъект непосредственно наблюдал не только свое бытие, но и бытие других существ, объяснено в моей системе метафизики, которую можно назвать персоналистическим идеал-реализмом. Персонализм есть учение о том, что весь мир состоит из личностей, действительных, как,

напр., человек, или, по крайней мере, потенциальных, т. е. обладающих хотя бы подсознательным опытом и потому способных развиваться и стать действительной личностью. В отличие от персонализма Лейбница, утверждающего, что личности (монады, по его терминологии) не имеют «ни окон, ни дверей», я доказываю, что они интимно связаны друг с другом. В самом деле, даже электрон, как и все другие существа, производит акты отталкивания и притяжения сообразно формам пространства, времени и математическим идеям; следовательно, все существа суть носители математических идей, и эти идеи не сходны, а буквально тождественны, так что эту сторону бытия все существа сращены как единое целое, они все единичны друг другу; поэтому жизнь каждой личности существует не только для нее, но подсознательно и для всех других личностей. Вследствие такой интимной связи всех существ друг с другом возможна интуиция, т. е. непосредственное восприятие ими чужого бытия.

Установить, что материя в опыте дана, можно только на основе интуитивизма. Неудивительно поэтому, что даже в литературе диалектического материализма появилось учение о непосредственном восприятии внешнего мира. В своей «History of Russian Philosophy» я цитирую книгу болгарина Т. Павлова (П. Досева) «Теория отражения», напечатанную по-русски в Москве в 1936 г. Павлов говорит: «диалектический материализм не воздвигает между идеями о вещах и самими вещами непроходимой пропасти. Этот вопрос разрешается им в том смысле, что по своей форме (именно по своей осознанности) идеи отличаются от вещей, но по своему содержанию они совпадают с ними, хотя и не полностью и не абсолютно, не сразу» (стр. 187). Это учение именно и есть мой интуитивизм, но только обоснование этой теории требует отказа от материализма, чего Павлов не сделал.

В журнале «Коммунист» меня упрекают в том, будто я для критики диалектического материализма пользуюсь литературой меньшевиков: «взгляды

меньшевистствующих идеалистов, проникнутые гегельянщиной, характеризующиеся отрывом теории от практики, философии — от классовой борьбы, он выдает за ортодоксальную точку зрения диалектического материализма и победоносно опровергает их» (74). В действительности, я пользовался в своей брошюре сочинениями Энгельса, Ленина, Деборина, Быховского, Луппола, Познера, а в «History of Russian Philosophy» прибавил еще ссылку на книгу М. А. Леонова «Очерк диалектического материализма», 1948 г. И так, упрек в том, что я пользуюсь литературой меньшевиков, есть изумительная по своей наглости ложь; авторы статьи знают, что громадное большинство читателей журнала «Коммунист» не имеют возможности проверить их критику путем чтения моей «Истории русской философии», хотя она издана на трех языках, — на английском, французском и итальянском. В самом деле, в январе 1926 года советское правительство издало инструкцию, предписывающую удаление из библиотек множества книг. В инструкции сказано, что в секции философии, психологии и этики должны быть удалены «все книги, написанные в духе идеалистической философии, оккультизма, спиритизма, теософии, а также книги по френологии, магии, книги для гаданий, сонники и т. п.»⁵. В инструкции сказано, что запрещенные книги должны быть сохранены в больших библиотеках, служащих для научных исследований, но их нельзя выдавать обыкновенным читателям. Краска стыда за Россию появляется на лице, когда думаешь, что в культурных странах читают эту инструкцию, в которой наряду с идеалистической философией указаны книги для гадания и сонники. Существует громадное различие между степенью духовной свободы в царской России и в Советском Союзе; в дореволюционной России запрещено было небольшое количество философских книг, а все остальное можно было свободно пол-

учать из библиотек, выписывать из-за границы, переводить, печатать и т. п., а в Советском Союзе для всех обязателен диалектический материализм, а все другие философские направления запрещены. Такое крайнее стеснение свободы необходимо для советского правительства: свой режим оно обосновывает на марксизме, т. е. на философии и экономической теории, столь устарелой и настолько опровергнутой развитием западных демократий и даже самою большевистскою революцией, что свободное обсуждение проблем философии и экономики в самый короткий срок убедительно показало бы несостоятельность учений Маркса, Энгельса и Ленина. Так, напр., в области экономики даже лица, незнакомые с политической экономией, видят, что учение Маркса о возрастающей концентрации капиталов в руках небольшого количества собственников несостоятельно: в акционерных компаниях происходит концентрация капитала для целей производства и вместе с тем распределение этого капитала между множеством собственников акций, так что даже многие рабочие становятся держателями акций обслуживаемой ими компании.

Точно так же несостоятельно учение Маркса о том, что заработная плата рабочих зависит от соотношения спроса и предложения, и так как предложение превышает спрос, то она всегда стоит на уровне, ниже которого началось бы вымирание пролетариата от голода; в действительности, в такой демократии, как Соединенные Штаты Америки, государство установило для многих отделов труда границу, ниже которой не может опускаться заработная плата, да и в других демократиях союзы рабочих добиваются повышения заработной платы. Несостоятельно также учение Маркса, что государство есть организация привилегированных классов для эксплуатации непривилегированных: в западных демократиях союзы рабочих, союзы мелких землевладельцев мощно влияют на политику государственной власти. Таким образом, в культурных демократиях нет монопольного капитализма, в котором упрекают Запад советские извратители истины, создавшие

⁵ Инструкция эта напечатана в английском переводе в журнале «The Slavonic Review» за март 1926 г. Я перевожу этот текст с английского языка.

у себя дома не социализм, а рабовладельческий государственный капитализм, эксплуатирующий крестьян, рабочих и мелких служащих в большей степени, чем капиталистический режим старого времени.

Советские философы считают «буржуазных» философов лакеями привилегированных классов. Они пишут: лакей «подобострастно смотрит в глаза своему господину и, чтобы угодить ему, готов расшибиться в лепешку». «Менялись времена и события, менялись хозяева, а лакеи, как бы они ни называли себя — «интуитивистами» или «мистическими реалистами», — так и оставались лакеями с их готовностью служить тому, кто платит» (стр. 76). В ответ на это грубое нападение я приведу цифры. За перевод русского текста моей «Истории русской философии» на английский язык я заплатил 700 долларов (в то время я был профессо-

ром Свято-Владимирской Духовной Академии в Нью-Йорке и получал небольшое жалованье от этого бедного учреждения), а от издательства, напечатавшего мою книгу на трех языках, я получил до сих пор 370 долларов и, без сомнения, мой расход на перевод никогда не будет возвращен сполна. Живя в условиях максимальной доступной человеку свободы, мы работаем, руководясь любовью к исканию истины, и труд наш чаще всего скудно оплачивается, а иногда и вовсе не оплачивается. Что же касается советских философов, авторов статьи в «Коммунисте», то они заботятся не об истине, а о выполнении «социального заказа» и трепещут, зная, что если они плохо выполнят его, то могут стать «доходягами» в концентрационном лагере.

Проф. Н. Лосский